

УДК 821.111(73)
ББК 84 (4 Вел)-44
К59

Natalie Cox
NOT JUST FOR CHRISTMAS

Впервые опубликовано в Великобритании в 2018 г.
издательством *Orion Publishing Group*.

Публикуется с разрешения литературных агентств
Lutyens & Rubinstein и *Anna Jarota Agency*

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Кокс Натали.

К59 Не только на Рождество : роман / Натали Кокс ;
пер. с англ. И. Литвиновой. — Москва: Издатель-
ство АСТ, 2020. — 352 с. — (Подарок от Боба)

ISBN 978-5-17-117629-7

Чарли ненавидит праздники, и этот год обещает стать худшим в ее жизни. Бойфренд ушел к другой, а у соседей из-за утечки газа произошел взрыв, превративший квартиру Чарли в руины. Оставшись в одиночестве, с легким сотрясением мозга и временно бездомной, Чарли принимает приглашение двоюродной сестры Джек, которая живет в Девоне и держит собачью гостиницу.

Однако вряд ли Чарли удастся провести тихие выходные — Джек внезапно уезжает, и госте придется присматривать за гостиницей, обращаться за помощью к местному ветеринару, синеглазому и надменному Кэлу, принимать новых постояльцев — например, глухого дога, владелец которого красив, как древнегреческий бог, но, увы, помолвлен, или невероятно породистого сеттера, которого привезла хозяйка — вылитая Круэлла Де Виль. Чарли кажется, что все вокруг идет кувырком, но, возможно, у нее появился шанс узнать что-то новое о жизни, о себе самой и... о любви.

УДК 821.111(73)

ББК 84 (4 Вел)-44

ISBN 978-5-17-117629-7

Copyright © Natalie Cox 2018

© И. Литвинова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Эта книга посвящена
памяти Талли, шоколадного лабрадора,
моего преданного друга,
задушевного компаньона и собачьей музыки
последних пятнадцати лет,
и Грейс, щенку датского дога,
которая теперь в равной мере испытывает
мое терпение и вдохновляет.

Глава 1

М. С. Элиот¹ был неправ. Самый жестокий из всех месяцев — декабрь. Потому что если вас не добьет разгул меркантильности в преддверии Рождества, это сделает унылая лондонская погода. Нынешним утром, по дороге на работу, когда лило как из ведра, а мне нужно было отвечать на электронные письма, я погрузилась в размышления обо всех неправильностях предстоящих каникул. И сам собою нарисовался список из *Десяти пунктов, которые меня бесят в Рождество*:

1) Фраза «Счастливого Рождества», подразумевающая пожелание, но больше смахивающая на приказ, что мгновенно вызывает у меня желание послушаться.

¹ Томас Стернз Элиот (более известный под сокращенным именем Т. С. Элиот, 1888–1965) — американско-британский поэт, драматург и литературный критик, представитель модернизма в поэзии. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1948 года. Ему принадлежит цитата: «Апрель — самый жестокий из всех месяцев». *Здесь и далее примечания переводчика.*

2) Та же фраза на иностранных языках: *Feliz Navidad, Joyeux Noel, Yuletide Greetings*. Если я не хочу слышать ее на английском, то не хочу и по-французски или по-испански.

3) Корпоративные рождественские вечеринки, которые на самом деле не что иное, как жалкое оправдание для женатых коллег, которые напиваются и позволяют себе всякие вольности. (За исключением Шона из финансового отдела. Этот парень, поскольку он холост, может подкатывать ко мне в любое время.)

4) Пьяные гуляки в подземке. Такие, как тот обрюзгший парень в короне из цветной бумаги, который заснул рядом со мной вчера вечером на Северной линии¹ и пускал слюни мне на пальто. Справедливости ради признаюсь, что мое исполнение куплетов «Санта, детка» на Юбилейной линии² в прошлый четверг тоже привлекло немало недовольных взглядов. Но меня подбадривали мои спутники. Еще менее трезвые, чем я.

5) По-дурацки огромные круги сыра чеддер на вечеринках вместо нормальной еды. При всей моей любви к сыру мне нужны и булочки с колбасой.

6) Глинтвейн. Почему все сходят с ума от дешевого болгарского красного вина, сильно сдобренного сахаром и специями? Тем более что после него гарантировано чудовищное похмелье на следующее утро. Вот как у меня сейчас.

¹ Северная линия — линия Лондонского метрополитена, пролегающая с севера на юг.

² Юбилейная линия или Джубили — десятая по счету линия Лондонского метрополитена, связывающая северо-запад Лондона с его восточной частью.

7) Шоколадные адвент-календари¹. Это просто какое-то маркетинговое бешенство. Лучше умять гигантский батончик «Кэдбери» в первый день декабря и разом покончить с этим.

8) Тематические диснеевские праздничные украшения, особенно те, что на Оксфорд-стрит. Когда дело доходит до Голливуда на Рождество, нам следует, подражая Нэнси Рейган, *просто сказать нет*².

9) Поздравительные открытки с фотографиями потомства, которые прячутся, как мины, в моем почтовом ящике, напоминая, что мне тридцать один год, а я еще и не думала плодиться.

10) Эльфы. Надоедливые персонажи. Во всяком случае, большинство из них.

Справедливости ради я, пожалуй, составлю конкурирующий список того, что мне *нравится* в Рождестве:

1) Сладкие пирожки.

2) Живые елки (те, что приятно пахнут и, способствуя глобальному потеплению, станут источником невыразимых страданий для будущих поколений).

3) Рождественские каникулы.

¹ Рождественский календарь — традиционный в Европе календарь для отслеживания времени до наступления Рождества; по традиции это открытка или картонный домик с открывающимися окошками, где в каждой ячейке лежит конфета, записка с пожеланиями или подарки.

² «Просто скажи “нет” — социальная кампания, часть американской программы «Война с наркотиками», получившая широкое распространение в 1980-х и в начале 1990-х годов. Слоган был придуман и использован первой леди Нэнси Рейган в годы президентства ее мужа.

Конечно, соотношение 10:3 не назовешь оптимальным, поэтому, наверное, мне придется поработать над вторым списком. Ну а пока, прокладывая локтями путь вдоль Оксфорд-стрит, я отчаянно пытаюсь понять, в чем прелесть этого праздника. В наши дни Рождество больше напоминает пародию на себя: остатки очарования викторианской эпохи давно подавлены Черной Пятницей и специальным рождественским выпуском передачи *Top Gear*. На Бонд-стрит я вынуждена пробиваться сквозь толпу возбужденных японских туристов, фотографирующих неоновую-оранжевую елку (что стало с серебряной и золотой?). Затем я обхожу дородную пожилую женщину, увитую гирляндами ярко-красной мишуры, которая агрессивно гремит и тычет мне в лицо жестяной банкой, что можно расценить как нападение со стороны благотворителей. Дело не в том, что я не приветствую щедрость во время Рождества, просто, честно говоря, мне не верится, что Иисус намеревался назначить святилище ослов бенефициаром всей этой доброй воли. Даже если ослы и присутствовали при его рождении.

Я ныряю в переулок, добираюсь до своего любимого итальянского кафе и с облегчением распахиваю дверь. Внутри завсегда и жмутся к чашкам капучино, а набитые доверху пакеты с покупками, как верные спаниели, лежат у их ног. В дальнем конце зала я замечаю свою подругу Шан — ее щеки пылают, а пепельные волосы уложены на макушке в художественном беспорядке. Я пробираюсь между столиками и плюхаюсь в кресло напротив нее.

— О, — усмехаюсь я. — Ты и прическу ради меня соорудила.

— Чтобы ты не посмела сказать, что я не приглагаю никаких усилий, — отвечает Шан, приглаживая непослушный клубок. Шан, как обычно, не идет на уступки женственности, будучи сама себе хозяйкой. — Держи. — Она пододвигает ко мне кружку какао, и я делаю бодрящий глоток.

— Скорей бы Новый год, — вырывается у меня. — Я сыта по горло Рождеством, а идет только вторая неделя декабря.

— И тебя с наступающим Рождеством.

— Должна предупредить, что настроение у меня не очень-то праздничное.

— Это что, типа спойлер? — Шан выгибает бровь.

Внезапно я подаюсь вперед, подозрительно разглядывая ее одежду.

— Умоляю, скажи, что это не рождественский джемпер?

Шан распахивает пальто, открывая взгляду ярко-красный свитер с богатой вышивкой оленьей головы на груди. Кончик каждого рога украшен крошечным колокольчиком.

— Это Оуэн выбрал, — с гордостью говорит она.

— С каких пор ты прислушиваешься к модным советам трехлетнего карапуза?

— У него на удивление хороший вкус. На днях он отговорил меня от покупки фиолетового бархатного комбинезона, что стало бы чудовищной ошибкой.

— А это настоящие колокольчики?

В ответ она покачивается на стуле, так что слышно тихое позвякивание. Я мотаю головой.

— Не будь такой букой, — говорит Шан. — Я люблю Рождество.

— А я — нет. И в этом году отказываюсь отмечать. Так что не жди от меня подарка.

— Ты не можешь отказаться от Рождества.

— Увидишь.

Шан подозрительно прищуривается.

— И что настроило тебя на такую волну?

— «Капитал рейдио»¹. Сегодня утром я проснулась под звуки песен стареющих рок-звезд, которые отчаянно пытаются спасти свои карьеры, вновь призывая меня накормить мир. Им уже пора бы знать, что я даже себя не могу прокормить.

— Я тебе не верю.

— Это правда. — Я пожимаю плечами. — Я никогда не была фанаткой Рождества. Так что в этом году я не только Скрудж, но еще и снова одинокий Скрудж. Поэтому решила во всем потакать своему внутреннему брюзге.

— А как же твоя мама? Она не услышит рождественских гимнов в твоём исполнении на Ковчеге?

Моя грозная мать и ее пятый муж Ричи несколько лет назад вышли на пенсию, продали всю недвижимость и переехали в плавучий дом в Маленькой Венеции², который Шан тотчас окрестила Ковчегом. Они вечно заваливаются ко мне, когда на лодке барахлит сантехника, что случается довольно часто, особенно в холодную погоду. К сча-

¹ Capital Radio — лондонская круглосуточная коммерческая радиостанция; передает преимущественно популярную музыку и развлекательные программы.

² Район Лондона; точка соединения внутригородского Риджентс-канала с каналом Гранд-Юнион, тянущимся до самого Бирмингема.

стью, в этом году они решили поставить лодку в сухой док и сбежать на зиму в теплые края.

Я качаю головой.

— Не в этом году. Они уехали в Мельбурн к моему сводному брату и его отпрыскам.

— Тогда тебе определенно следует приехать к нам на праздники.

— Нет, спасибо.

— Почему нет? Это будет здорово! Ты сможешь начинать колбасным фаршем задницу индейки, а я буду накачивать моих тетушек-старушек просекко, пока они не рухнут в пьяном угаре на диван.

— Его запихивают в полость шеи.

— Кого?

— Колбасный фарш.

Шан хмурится.

— Да знаю я.

— Как бы заманчиво твое предложение ни звучало, я — пас.

— Послушай, Чарли. Я не позволю тебе провести праздники в хандре, тоскуя о Тъм-Кого-Нельзя-Называть.

— Лайонел. Его зовут Лайонел. И я не хандрю.

— Вот и хорошо. Потому что он этого не заслуживает.

— Но я все равно не приеду к вам на Рождество.

Почти весь обеденный перерыв уходит на то, чтобы убедить Шан в серьезности моих намерений. Если честно, у меня нет ни малейшего желания проводить праздники с кем бы то ни было. Я планирую отсидеться в своей квартире в Нанхеде с коробкой шардоне, бесконечно пересматривая старые черно-белые фильмы с Одри Хеп-

берн. Лайонел терпеть не мог смотреть фильмы по телевизору, поэтому теперь, когда он съехал, я наконец могу себя побаловать. Закусывать я собираюсь мармеладными мишками, пиццей с анчоусами и чипсами со вкусом барбекю — короче, всем, что он тоже ненавидел. На самом деле, только теперь я начинаю понимать, насколько многого я себя лишила за те четыре года, что мы прожили вместе. Чтения в постели (ему мешал свет); кроссвордов (он находил их утомительными); консервированного куриного супа с лапшой (он заявлял, что там полно вредных добавок); пения под душем (Лайонел был первым, кто сказал мне, что я фальшивлю). В жизни одиночек полно плюсов, уверяю я Шан: больше свободного места в гардеробной, меньше грязной посуды, можно ложиться спать в чем угодно.

Наконец мне удастся убедить Шан, что я *в полном порядке*, но, возвращаясь вечером домой, я чувствую, как в душу привычно закрадываются сомнения. Честно говоря, моя, казалось бы, стабильная жизнь перевернулась в одно мгновение, и я все еще барахтаюсь, пытаюсь понять, что произошло. Странно, но мой разрыв с Лайонелом ускорило анонимное письмо, присланное по электронной почте. Возможно, я бы никогда не открыла вложение, если бы на глаза не попался подзаголовок: *Камера не умеет лгать*. И ведь не обманула, чертовка: фотография Лайонела, занимающегося сексом с сочной брюнеткой на гребном тренажере, выглядела вполне убедительно, демонстрируя его спутанные, потемневшие от пота волосы, и ее груди, болтающиеся, как плохо надутые воздушные шары.

Когда я показала ему фото, Лайонел признался, что вот уже больше года спит со своим персональным тренером. И заверил, что их отношения не рассчитаны на длительную перспективу. Это что-то вроде хрупких конструкций-временок, которые поддерживают общественные ожидания и устаревший институт брака. Он обшарил глазами кухню, и обрадовался при виде чайника, который схватил, чтобы проиллюстрировать аналогию. То, что случилось с нами, неизбежно, сказал он. Сначала отношения складывались гладко, со временем пошли трещинами, пока не сломались окончательно и не потребовали замены. Как чайник.

Словом, меня обменяли на прибор нового поколения. Поначалу я была раздавлена и опустошена. У меня вызвало недоумение то, что моя замена не так изящна и мила, как следовало ожидать, и я все ломала голову, испытывать ли мне облегчение или злиться по этому поводу. Мы с Лайонелом были вместе четыре года. И первые годы я была без ума от него. Да что там, мы оба были без ума друг от друга. Впрочем, наши отношения медленно, но верно портились, и, хотя четыре года — не вечность, я быстро прикинула, что это более миллиарда двухсот миллионов секунд моей жизни. Лайонел украл их у меня — или, может, я сама отдала их ему. Но в любом случае вернуть их невозможно. Более миллиарда секунд меня ушли навсегда. И теперь мне предстоит извлечь максимум из того, что осталось.

В ту ночь, когда Лайонел ушел от меня, считанных часов (может, десяти тысяч секунд) хватило, чтобы моя тоска сменилась злостью. Но уже через несколько дней на смену злости пришло